

Константин Фрес

Мой нежный враг

<https://litres.ru/74203668>

Аннотация

Он порочен и красив, как дьявол. Жестокий и бесчувственный, как камень. Весь мир принадлежит ему и лежит у его ног. Он пресыщен наслаждениями, он может получить любую женщину, какую пожелает. Так зачем ему я, скромная официантка?.. Посмеяться и поиграть? Или все же у него есть сердце?

#демон #попаданка #противостояние_характеров #до безумия красивый гг

Содержание

Глава 1. Подарков не брать!	4
Глава 2. Желаю тебя	12
Глава 3. Договор, скрепленный кровью	20
Глава 4. Ловушка	29
Глава 5. Нескромное предложение	37
Глава 6. Золотая клетка	46
Глава 7. Гнездо порока	56
Глава 8. Детали контракта	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1. Подарков не брать!

— Господи, горе ты мое! — Юла ругалась, совсем как ворчливая мать. — Чо ты бледная такая?! Как моль в обмороке! Натри хоть щеки-то! Губы покусай! И улыбочку, тяни улыбочку! Я же тебя не на похороны плакальщицей зову! Ты хоть понимаешь, что надо соответствовать?!

— Чему? — машинально интересуется Ева.

— Всему! — решительно отрезает Юла. — Заведению! Клиентам! Шику! Статусу! Ты знаешь, сколько здесь платят на вход?

— Сколько? — машинально ответила Ева, в тысячный раз поправляя на себе ладно и безупречно сидящую униформу.

Униформу официантки, кокетливое платье с коротенькой юбочкой, еле прикрывающей задницу. Не хочешь перед клиентами-толстосумами сверкать голыми ляжками и трусами — учись приседать, опуская пятую точку пониже. Впрочем, Юла вон наоборот, выпячивала ее, крутя соблазнительной задницей, обтянутой сексуальными кружевными трусами. Авось, клонет кто. Ну, хоть кто-нибудь из клиентов-толстосумов!

Но те, кажется, были настолько пресыщены женскими прелестями, что уловки Юлы им были без интереса...

— Столько! — агрессивно выдыхает Юла. — По сто штук!

Только за вход, поняла? Ты в кино была? Билетик покупала? Вот, они тоже покупают!

Ева присвистнула и Юла сделала страшное лицо. Не сви-сти, денег не будет!

— В общем, — немного успокаиваясь и вдруг остывая, говорит Юла, — будь приветливой, милой и всем улыбайся. И все. Приставать никто не станет — и не мечтай! С ними такие богини, что нам с тобой до них как до Китая пешком. Если кто и заговорит, ну, там, постебаться захочет, молчи и улыбайся! Прищепками за ушами закрепи эту улыбку, поняла? Я за тебя головой ручалась! Сказала, ты профи! Неконфликтная, расторопная, милая... Ну, пошла! Вот твой стол-лик.

Юла выдохнула, будто собиралась нырнуть в холодную во-ду, выдохнула точно так же, как когда-то делала перед две-рями аудитории, в которой ей предстояло защитить диплом, и кивнула головой:

— Удачи!

От ее сердитой воркотни, от напряжения ее нервов, кото-рое звенело в воздухе, словно гитарные струны, у Евы под-жилки тряслись. Юла славилась своей беспечностью и лег-костью; а тут...

«Словно ядерную кнопку охранять мне доверяет!» — на-цепив дежурную улыбку, подумала Ева, аккуратно лавируя между посетителями заведения.

Заведение и в самом деле было крутое; крутая цвет-

ная подсветка превращала помещение в таинственный синий сапфировый грот, музыка приглушенная — достаточно громкая, но не бьющая по нервам, — и сотни, тысячи блистающих драгоценных камней на посетителях!

В ушах и на шеях женщин, длинноногих и оттюнингованных, как блестящий Феррари на выставке. В массивных перстнях солидных мужчин, на булавках для галстуков, в запонках на дорогих сорочках. Ева даже жмурится от радужных брызг света, слетающего с бриллиантов.

Черт, настоящие?!

Да иначе и быть не может.

Это такие, как она и Юла, бриллиантами хвастаются друг перед другом. Те, кто ходит в этот клуб, используют камни как пуговицы.

Ева подходит к столику, и у нее перехватывает дыхание, потому что ее первый клиент на сегодня личность очень известная.

Итан Ханс, красавец и плэй бой, самый молодой толсто-сум этого полушария, растиражированное лицо с обложек всех уважаемых бизнес-изданий. Его недобрый прищур черных и блестящих, как агаты, глаз знаком, наверное, всем женщинам, грезящим о нем во сне. От одного взгляда этих глаз можно воспламениться и сгореть дотла. А он только посмеется над очередной птичкой, полетевшей бездумно на свет и опалившей перышки.

«Слишком красив и порочен, — обреченно думает Ева,

делая последние шаги к столу и останавливаясь, всем своим видом показывая, что готова принять заказ. — Словно Сатана из преисподней, полон греха и разврата!»

Итан сидел, развалившись в удобном кожаном кресле. Расслабленный и вальяжный, как сытый хищник. Как пантера — почему-то именно этот зверь приходил на ум Еве, рассматривающей богатого клиента. Пресыщенный и грациозный сильный зверь, щурящий свои смеющиеся глаза.

Даже когда он сидел, было видно, какой он высокий, рослый, крепкий. Наверное, он нарочно вытягивал ноги, чтобы обслуживающий персонал бегал кругами вокруг него, чтобы не запнуться. Да что там запнуться — чтобы лишний раз не коснуться уважаемого клиента и не потревожить его.

Холеные руки, белеющие в праздничном полумраке заведения. Очень красивые руки. Свободно лежат на подлокотниках кресла, будто Итан смертельно устал, утомился, поднимая к губам бокал с коктейлем.

А вокруг него женщины; Еву даже замутило, когда она увидела, что трущиеся вокруг его кресла красотки, прекрасные как богини, в платьях за сотни тысяч долларов, ухоженные, великолепные каждым миллиметром своих роскошных тел, все как одна были в ошейниках.

В красивых, украшенных драгоценными камнями, ошейниках.

Они стояли позади кресла, они красиво лежали и сидели у ног Итана, обнимая его колени, они пританцовывали в такт

музыке, рассыпая блестящие волосы по плечам, стараясь соблазнить мужчину своими гибкими, восхитительными телами.

И ото всех их ошейников тянулись длинные, тонко позванивающие серебристые цепочки.

И Итан держал их, небрежно зажав в ладони.

«Как животных! — яростно подумала Ева, расширенными от гнева глазами рассматривая девушек, которых такое отношение к ним, кажется, не смущало. — Он к ним относится, как к животным! Он же дрессирует их!»

Одна из девушек исполняла зажигательный и страстный танец прямо перед Итаном, и тот с интересом скользил взглядом по ее формам, по соблазнительно изгибающемуся телу.

Это была не дешевая стриптизерша, не танцовщица на шесте.

Это лицо Ева тоже видела на разворотах глянца. Дорогая модель; из тех, что говорят, что за двадцать тысяч и с постели не встанут. Значит, тут она зарабатывает не двадцать, если так охотно вертит задом.

Вглядываясь в раскрасневшееся лицо девушки и, зажав между длинными пальцами крупную купюру, Итан медленно вел ее вверх, показывая, до каких пор девушка должна поднять свое платье, чтобы оголить свои ноги под его ненасытным, полыхающим похотью взглядом.

Ева, остолбенев, с содроганием смотрела, как платье,

сверкающее в ночном свете как чешуя золотой рыбки, медленно поднимается все выше и выше. Неспешно открывая стройные красивые бедра, обтянутые чулками, потом кружевную резинку чулок, потом краешек трусиков, затем полностью все трусики, обтягивающие лобок, потом...

Ева не вынесла, отвернувшись, подавляя приступы тошноты. Она все еще дежурно улыбалась, но ей казалось, что все плывет у нее перед глазами от отвращения.

Платье было задрано до самого пупка. Ева уловила блеск камешка в пирсинге на животе чаровницы, довольной, что угодила своему господину. Купюра, на которую Еве пришлось бы месяц работать, была небрежным жестом заткнута за резинку трусиков, и Итан освободившейся рукой покровительственно хлопнул девицу по заднице.

«Если бы не долги, — с отчаянием думала Ева, — если бы не положение, в которое я попала, я бы никогда сюда не пошла! Вертеп!»

В последние месяцы несчастья ее просто преследовали.

Сначала прогорела фирма, в которой Ева работала, потом прорвало водопровод, и она затопила три этажа и осталась должна за ремонт. Кое-как устроившись в кафе за углом — офисных почему-то брали неохотно, — Ева еле сводила концы с концами и к концу второго месяца уже думала, что ноги протянет.

Там-то ей и повстречалась Юла, университетская подружка.

Она торопливо давила вишневым пирогом, запивая все это кофе, и мычала, помахивая головой.

— На работе все равно ничего не успею перехватить, — сказала она. И, подумав, призналась: — Да мне и финансов не хватит, чтоб купить себе вот такой, с ноготок, кусочек жвачки, которую они едят. А ты хочешь к нам? — вдруг предложила она. — Заработать у нас можно, надо только вертеться. Есть только одно правило: никаких личных контактов. И подарков не брать!

— Почему? — удивилась Ева. Подарки представлялись ей чаевыми; чаевые брать было принято везде и не считалось чем-то зазорным.

Юла многозначительно постучала пальцем по голове. Видимо, она угадала мысли Евы касательно чаевых, и теперь отрицательно мычала, наспех дожевывая кусок пирога.

— Потому что! — агрессивно рыкнула она. — Ты уверена, что сумеешь оказать услугу, которая стоила бы этого подарка?! Они ведь не пару монеток тебе на стол кинут, а вот такой пресс деньжищ. А в обмен...

— Что в обмен? — чуть испуганно произнесла Ева.

— Душу в обмен вытрясут, — грубо ответила Юла. — Так что умение вежливо отказываться ценится у нас выше, чем умение с готовностью раздвигать ноги. Ну, так что?

Ева припомнила полосатые обои, уныло свисающие лоскутами со стены, покрытый рыжеватыми пятнами ржавой воды потолок в комнате соседей, и вздохнула.

— Согласна, — бухнула она. — Веди меня в ваш ад.

Глав 2. Желаю тебя

— Вы что-нибудь желаете?

Ева изо всех сил старалась изобразить на лице приветливое выражение.

Подобострастно сжимала меню побелевшими пальцами и заглядывала в черные, как ночь, глаза, и улыбалась, словно улыбку ей и в самом деле закрепили за ушами двумя прищепками.

Итан тоже смотрел на нее.

На миг ей показалось, что ее лица коснулась его аура — морозный аромат его парфюма, запах дорогой кожи и еле уловимая нотка алкоголя, выпитого им коктейля, — черные глаза, гипнотизируя, вспыхнули так, что ей показалось — Итан поднялся со своего места и стоит прямо перед ней, заглядывая в ее лицо.

Он был красив так, что у Евы закружилась голова, и она с трудом сдержала вздох восхищения. Восторги обслуживающему персоналу тоже не положены. Высокий, стройный, полный жгучей мужской ненасытной силы и желания. От его мимолетного внимания Еве казалось, что она заперта в тесной комнатке с хищником. С опасным зверем, который раздает взглядом. Который покоряем одним движением брови.

От его улыбки тряслись поджилки, и Ева, все так же при-

ветливо, деланно улыбаясь, искренне радовалась, что может спрятать за этой улыбкой свое потрясение, свою беспомощность гибнущего в когтях хищника существа.

«Он может заставит меня выпить море огня, и сделает так, что мне понравится корчиться в агонии, стгорая изнутри!..»

— Желаю? — насмешливо произнес меж тем Итан, чуть приподняв черные широкие брови. — А вы у нас сегодня в роли Деда Мороза? Исполняете желания?

«Издевается, сволочь, — под гаденькие смешки полуголых девиц подумала Ева, искренне желая всем этим дорогим, элитным шлюхам облезть и неровно обрасти. — А вы чего смеетесь? Да, я приношу напитки, но хотя б не полирую своим силиконовым гудком его башмаки!»

— Разве что некоторые, — весело ответила Ева, хотя все внутри нее кипело от ярости, и этого нахального красавчика очень хотелось треснуть по голове серебристым подносом так, чтобы звон наполнил его пустую голову. — Я не волшебник, я только учусь!

Итан прищурился, разглядывая девушку перед собой. На лице его было написано совершенно ленивое и равнодушное выражение, словно сами мысли о том, как еще можно развлечься, чем подразнить эту девчонку, утомляли его.

— Ева, — прочел он на ее бэджике. Металлическая пластинка в форме сердечка, приколотая на груди на форменном платье слева. Голос его прозвучал глухо, тягуче и невероятно сексуально. От звука этого голоса Ева почувствова-

ла, как ее кидает в холод, а потом в жар, да так, что мурашки бегут даже по щекам. И она ощутила себя беспомощной мухой, которую угораздило влипнуть в смолу дерева, чтобы однажды стать необычным янтарем. — Как прародительница рода людского?..

Ева снова улыбнулась:

— Люцифер?! — сделав удивленное лицо, произнесла она.

Девицы у ног Итана так и прыснули, разразились издевательскими смешками от этой немудреной и неуклюжей шутки. Они прикрывали рты ладошками, отворачивали лица, на которых Ева читала презрительное «ну и дура!». Но она упрямо продолжала улыбаться.

«Я с ним разговариваю, а не с этими половыми тряпками в стразах, — упрямо думала она, нарочно не замечая хихикающих девиц и глядя в лицо Итана с преувеличенным интересом, ожидая его ответа. — Развлекаю клиента болтовней. А вот они и задницы свои с пола поднять без команды не смеют! Так что не им смеяться!»

А вот Итану шутка внезапно понравилась, да настолько, что он поднялся, выпрямился, оттолкнув прижавшихся к нему девушек и весь подался вперед, глядя в лицо Евы еще пристальнее и все более испытующе.

— Ну, почти, — загадочно ответил он на ее вопрос. — Так ты готова исполнить мое желание, Ева?

В его длинных пальцах вдруг оказалась зажата купюра.

Точно такого же достоинства, какой он до этого водил по телу танцующей модели.

Точнее, несколько купюр! Новеньких, как из-под пресса, гладеньких купюр! В пульсирующем разноцветном клубном сиянии Ева отчетливо увидела, как деньги в руке Итана предательски ошетинились несколькими уголками. В ее сторону смотрело штук двадцать, не меньше. А девицы у ног Итана готовы были от зависти рычать.

— Станцуешь для меня, Ева, дочь Евы? — вкрадчиво поинтересовался Итан, деньгами указывая на ноги Евы. — Искусишься снова?..

Точно на то место на бедре, которого касался край юбочки.

На лице Итана выписался живейший интерес. Он давал приличную цену, и теперь ему было интересно, а как скоро женщина, которой он платит, продаст себя, и какие оправдания найдет своему поступку. И как скоро...

Нашел новую, свежую игрушку.

«Интересно, Юла брала? Да наверняка брала. И наверняка больно обожглась, иначе не предупреждала бы, что деньги брать нельзя. Что ей сделали, интересно? Насиловали? Несколько человек сразу?»

Глядя на деньги в его руках, Ева непроизвольно сглотнула.

Огромные деньжищи!

Это сразу и переклеить обои вместо тех, полосатых, ото-

рвавшихся, и побелит потолки, и сменить разбухшие двери, и... и на мечту, такую заветную и такую тайную, что о ней ни единая живая душа не знает, хватит.

Да, такая небольшая мечта, но она намного важнее для Евы, чем работа в престижном кабаке.

«Все проблемы решатся разом. За один только вечер...»

Черные глаза Итана манили. В них действительно словно ад разверзся; Ева уже видела в их непроглядной глубине извивающиеся, сплетающиеся в самом безбашенном сексе тела. В ушах ее звенели стоны и вопли наслаждения и боли, сотканые в одно целое, в симфонию страсти, покорности и власти.

— Ну, — выдохнул Итан так тихо, но так обжигающе сексуально, что, казалось, в лицо девушки дохнул раскаленный ад, самое его сердце. — Подними юбочку...

Он не угрожал и не просил. Не заставлял. Он шутливо давал команду. Дразнил; завораживал, подчинял себе.

Его улыбка ослепляла; в его огненные зрачки было страшно смотреть. Ева поняла, что Итан действительно ее захотел, но не так, как мужчина хочет женщину.

Он захотел ее как новую вещь. Как игрушку, как существо, из которого жадный и жестокий мир еще не выпил всю чистоту и свежесть.

А этой своей игрой с деньгами Итан просто хотел заранее удостовериться, что трахать ему придется не толстожопую каракатицу. Задрать юбку и посмотреть на ляжки потенци-

альной любовницы на одну ночь, конечно, можно б было, но это грубое насилие.

Нет; Итан не прибегает к таким методам. Стыдно было б в обществе, если б о нем говорили, что женщина ему отказала. И ему пришлось ее брать силой.

Но Итан не насиловал женщин. Все порочные вещи, что он с ними проделывал, женщины разрешали ему делать с ними добровольно. Только так. Даже если им было нестерпимо стыдно и больно — он им оплачивал все эти неудобства и потом куражился, сколько влезет.

— Ну-у? — тянул он уже нетерпеливо и азартно. Любопытство подогревало его интерес к Еве, ему уже не терпелось ухватить новенькую официантку за зад.

— Нет, — задорно и весело ответила Ева, и наваждение схлынуло. Итан отпрянул, словно она влепила ему оплеуху по нахальной гладкой физиономии, а девицы вздохнули так удивленно, что по полу, заваленному конфетти, пошел шорох, как по осеннему лесу. — Боюсь, мои услуги столько не стоят. Некрасиво было бы обманывать вас и брать эти деньги.

— А тебе, — проворчал Итан, шуря глаза и пряча в них стыд, — их никто и не дает. Я ими показываю.

Девицы разразились подобострастным хохотом, и стыд кольнул щеки Евы, да так, что из глаз чуть не брызнули слезы.

«Да мать твою, говнюк зажавшийся! — вскипела она. —

Как Юла это терпит?! Она ведь предупреждала, что они издеваются, значит, и ей дергали нервы не раз! И она терпит? Остается здесь?! Почему?!»

В воображении Евы который раз мелькнули полосатые обои. Вот почему; у Юлы могут быть проблемы еще посерьезнее долгов.

— Упс, — весело ответила Ева, понимая, что уже откровенно нарываяется на гнев богатого клиента. — Тогда тем более не вижу повода делать то, о чем вы просите.

Девицы захлебнулись хохотом и замолкли. Итан тоже молчал. Ноздри его трепетали от сдерживаемого гнева, и Ева сообразила, что, наверное, она первая, кто отказал ему за последние несколько лет.

«Что ж, этим можно гордиться!» — подумала Ева уныло, уже ожидая, что сейчас налетит хозяин заведения и взащей вытолкает ее вон, потому что она расстроила богатого клиента.

— Ну, а яблоко из моих рук ты отведаешь, Ева? — Итан продолжал свою странную игру. — Откусишь кусочек?

Глаза его снова полыхали. Горели неумной жадной, почти одержимым желанием.

Ева была словно самый сладкий, самый желанный, самый вкусный плод, что коснулся его губ, но отведать себя не позволил. И Итан сходил от этого с ума.

Он привык, что все его желания, даже самые мелкие, сиюминутные, исполнялись по единому его требованию. А тут...

упрямство девушки заводило и распаляло его. Он, право же, будто не знал, как, с какой стороны подступиться к ней.

С блюда Итан взял яблоко, самый яркий и самый свежий плод с глянцевой алой шкуркой.

— Это подарок, — вкрадчиво произнес он, протягивая яблоко Еве.

— Ну, уж нет, — ответила она дерзко. — Все мы помним, чем чреваты подарки из ваших рук, дорогой Люцифер.

— Итан, — поправил ее зло молодой человек, сверля девушку недобрым взглядом. — Меня зовут Итан, а не Люцифер. Будем знакомы?

Мог бы и не говорить, это итак все знают!

Глава 3. Договор, скрепленный кровью

Ева была уже совсем не рада такому пристальному вниманию со стороны важного клиента заведения.

«Ему скучно, он развлекается, а у меня нервы перегорают, как дешевые лампочки!» — ругалась она.

— Благодарю, — сухо ответила она, глядя на яблоко в его руках. — Но я беру лишь то, что мне по карману.

Глаза Итана ярко вспыхнули.

— Так я вам его продам по сходной цене, — вкрадчиво предложил он.

«Вот прилип! — почти с отчаянием подумала Ева. — Как клещ!»

Ее спасение пришло в виде еще одной беды.

Высокая и длинноногая девушка, огненно-рыжая, почти с алыми, как пламя, волосами, покачивая красивыми бедрами и цокая острыми каблучками-шпильками, неспешно вышла из темноты и направилась к Итану.

— Нашел себе новую игрушку? — проговорила она, опускаясь рядом с ним в кресло и закидывая ногу на ногу.

Ноги у нее были нереальной длины и красоты. Кожа сияла, словно мед и перламутр. Лицо было мелово-белоснежным под алым пламенем пышных волос, черные глаза пыла-

ли так же, как и у Итана, черными блестящими агатами.

И улыбка...

«Фу, гадость-то какая, — подумала Ева, с содроганием глядя на нарощенные клыки красотки. — Словно вампир какой. Взрослая же женщина. А глупости как у малолетки прыщавой».

— Чего жалкая такая? — меж тем произнесла девица, бесцеремонно и брезгливо разглядывая Еву с головы до ног. — Неужто никого поинтереснее выбрать не мог?

Странно; Ева могла поклясться, что эта девица была одета и оттюнингованна так же дорого, как и прочие, те, что пресмыкались у ног Итана. Но, в отличие от них, она знала себе цену, и за пачку денег елозить задницей по полу не собиралась.

Она вела себя так, будто была вылеплена из другого теста. Так, будто ничего общего у нее с другими женщинами не было, и быть не могло. Она была равна Итану и запросто могла посадить на цепь любого из присутствующих мужчин.

При ее появлении девицы, до того с удовольствием позирующие с ошейниками и цепями, вдруг как-то съежились, постарались убраться подальше с глаз. А рыжеволосая красотка, недовольно поморщившись, снова оглядела Еву, взбила тонкими пальцами с остро отточенными ногтями свои яркие волосы и неприятным голосом произнесла:

— Ну, чего встала? Тебе что, платят за то, чтобы ты тут строила глазки чужим мужчинам? Неси коктейль «Тропиче-

ский шторм», да поскорее... тупая корова.

Ева опустила взгляд, с невозмутимым видом записывая в блокнотик заказ. Злобный выпад этой рыжей стервы был словно пощечина. Ева уловила, как напрягся Итан, как он всматривается в ее лицо, ловя хоть один оттенок эмоций, но она не доставила ему такого удовольствия.

«Что, закончились игры? Хотел помотать мне нервы, но тут пришла твоя пассия, и все испортила? Обойдешься, милый! Вместо игр будешь по самые уши наливать элитным поганым пойлом и сидеть, как пай-мальчик, — снова натягивая дежурную улыбочку, подумала Ева, хлопая ресницами так беспечно, будто оскорбление прошло мимо ее ушей, да и вообще относилось не к ней. — Сначала со своей дамочкой разберись, а потом строй из себя властелина мира. В вашей паре сразу видно, кто господин. И это не ты!»

Итан вдруг вздрогнул, словно тоже заработал пощечину или словно он прочел мысли Евы. Его черные глаза налились яростью, тонкие ноздри гневно вздрогнули, а рыжая пакостно хихикнула, будто тоже могла слышать мысли Евы.

Но это, разумеется, только показалось Еве.

Скорее всего, мужчина злился на то, что его пассия помещала ему развлекаться.

«И за это ей спасибо, — подумала Ева. — Хотя она сама та еще тупая корова!»

— Желаете что-нибудь еще? — прошептала Ева доброжелательно, заглядывая в черные глаза рыжей.

Та злобно сжала губы, прищурилась, словно действительно могла слышать неуважительные мысли Евы.

— Принеси-ка мне, дорогая, — нарочито доброжелательно произнесла рыжая, накручивая на пальчик яркий локон, — са-а-амый дорогой коктейль в этом заведении! Тот, что подают с огоньком, знаешь?

Сказала и рассмеялась, облизнув гибким язычком яркие губы. И на пол посмотрела, на котором уныло сидели позабытые всеми модели.

— Зажжешь его прямо перед барной стойкой, — продолжала рыжая стерва. — Хочу посмотреть на романтичный язычок пламени, когда ты будешь идти через зал к нам.

У Евы сердце ушло в пятки.

«Что она задумала, эта стерва на двух ходулях?!»

— По правилам нашего заведения, — твердо ответила Ева, — коктейль поджигается тогда, когда он стоит на столике клиента. Не раньше.

Рыжая гаденько, тихо расхохоталась. Весь ее великосветский лоск с нее вмиг сполз, она резко подалась вперед, как пьяная дешевая шлюха, пристающая к мужику с деньгами. И снова рывкнула Еве прямо в лицо:

— Я сказала, неси через весь зал! — крикнула она. И голос у нее действительно был нетрезвым, похабным и грубым. — Поняла? А ослушаешься — я тебя на куски порежу и сожру, тварь наглая!

И она снова заливисто расхохоталась, закинув огнен-

но-рыжую голову и блестя острыми клыками.

Ева молча отошла от столика; руки ее тряслись. Она сейчас не взялась бы и «докторскую», напластанную толстыми ломтями, на крохотной тарелке нести, не то, что горящий коктейль.

Что задумала эта рыжая мерзавка?

Ева припомнила ее недобрый взгляд, прижавшихся к полу притихших девушек вокруг. Кажется, одну из них рыжая даже пнула, как мелкую собачонку, когда та замешкалась и не успела освободить рыжей проход к креслу.

Рыжая хочет скандала; устроить что-то жестокое, ужасное, например, разлить горящий коктейль по полу, чтоб загорелись платья на моделях, их длинные волосы. И ей все равно, что они получают ужасные ожоги, потеряют красоту, а вместе с ней и работу и по сути всю жизнь. Рыжая хотела развлечься, и точка.

— Я на это не подписывалась! — свирепо рычала Ева, выскользнув из зала и несясь по коридорам подсобного помещения. — Обслуживать психопатов и садистов не мой профиль!

Отыскать Юлу удалось не сразу; та словно нарочно избегала Еву, пряталась от нее. А когда та все же ее нашла и поймала, зайдя со спины, Юла подскочила и нервно вздрогнула. И даже запоздалая улыбка на ее лице вышла какая-то испуганная, вымученная и виноватая.

— Эй, подруга, — весело произнесла Юла, хотя в ее глазах

плавал страх. — Ну, как первый день?

— Эта мразь, — прорычала Ева, крепко ухватив Юлу за плечи и встряхнув ее как следует, — хочет, чтоб я уронила коктейль на пол! Горящий коктейль! Ты это понимаешь? Она велела мне его здесь поджечь и ей тащить через зал! Она его толкнет в любой точке зала, поджарит любую задницу! Ты знала, что эти клиенты чокнутые?

— Что ты несешь, — слабо вякнула Юла, — как она его разольет, если нести его будешь ты?! У тебя воображение разыгралось! Подумаешь, увидела Итана вблизи, и крышу снесло!

Ева схватилась за голову, потерла ноющие виски. Мысли метались, как ошалелые, и она не сразу поняла, что мысль о поджоге была какая-то чужая, словно кто-то, издеваясь и озвучивая свои недобрые намерения, ее вложил в голову.

Но перепуганный вид Юлы, ее бегающие глазки, ее заискивающийся взгляд просто вопили о том, что что-то тут нечисто.

— Прошу, — хрипло произнесла Ева, кое-как унимая дрожь в руках. — Вынеси его за меня?

Но Юла, испуганная и робкая, вдруг превратилась в демоницу и злобно оттолкнула Еву от себя. Как прокаженную. Как инквизитор — попавшуюся на колдовстве ведьму.

— Еще чего! — голос Юлы тоже стал злобным и резким. — Я за тебя буду твою работу буду делать, а ты денежки получать?!

— Ну, по дружбе! — уговаривала Ева. Признаться, она смутилась и даже напугалась резкости Юлы, и теперь упрасивала ее скорее по инерции, из-за слабо теплящейся надежды. — Рыжая пьяна. Она не сразу сообразит, что вместо меня ты пришла. И поэтому и толкнуть тебя не успеет. А я тебя подменю, если надо будет!

— Подменишь?

Юла вдруг хрипло и горько рассмеялась, и в голове Евы полыхнуло видение, в котором Юла вопит и рыдает, жалко корчится, извивается, впиваясь в резиновый шарик зубами. По подбородку ее льются слюни, косметика размазалась от слез, латекс и кожа на ее теле скрипят, а воздух полон злобного свиста плети.

— Ты... ты куда меня затащила? — испуганно выдыхает Ева, отступая от смеющейся Юлы.

— А ты что себе думала, — яростно шипит та. — Хотела большие денежки заработать и остаться чистенькой?!

— Да я ничего себе не думала! — в отчаянии выкрикнула Ева. — Я же думала, ты по дружбе хочешь мне помочь!

Юла снова покатила со смеху. Сегодня вечером, видимо, ее ожидала новая порция боли, и она была не прочь ее разделить с кем-то еще.

— Нафига ты мне нужна, помогать тебе...

Ева почувствовала, как все внутри нее кипит и дрожит от гнева и ужаса.

«Быть не может! Это не со мной происходит!» — в ка-

ком-то дурном оцепенении думала она.

— Ты что, — произнесла она, отступая от Юлы. — Ты меня что, продала?.. По заказу привела? Свежее мясо?..

Юла насмешливо фыркнула, пожала плечами. Мол, думай что хочешь.

— Но зачем?!

— Коктейльчик разлила, — ответила Юла мерзким голосом, в котором не было ни капли страха. — Да, да, совсем как ты сейчас разольешь. Разольешь, разольешь. Никто тебя из помещения не выпустит до окончания смены. А если эти, — она мотнула головой, указывая на зал, — не получают свой заказ, то они поднимут шум, и тебя разыщут и вытащат им на потеху. И никто не вступится.

— И ты решила в это меня втравить!.. Ты решила так поступить со мной!

Юла мерзко усмехалась.

— Мой тебе совет, подруга, — хладнокровно произнесла Юла. — Выбери местечко посвободнее и опрокинь сама, чтобы этого не сделала она. Конечно, выдерут они тебя здорово. Но если кого-то сожжешь дотла, наказание будет длиться намного дольше...

От ужаса Ева не могла и слова произнести. Все звуки застряли в сжатом нервном спазме горле.

— Но ты могла отказаться, ты могла уйти отсюда! — произнесла Ева, наконец, кое-как справившись со страхом. — Могла сказать, что они тебя шантажируют! Заставляют!

— Могла? — закричала Юла, сжимая кулаки. — Могла?!
Да ты что, не видишь, кто они такие?!

Она было раскрыла рот, чтобы высказать самое главное на этот вечер признание, но тут двери в подсобку раскрылись, заглянул охранник с невозмутимым лицом.

— Ева, — прогудел он. — Тебя клиенты ждут. Твой коктейль готов и горит. Неси; а не то прогорит весь, сама будешь за него платить. Есть у тебя лишние пятьдесят тысяч?

Глава 4. Ловушка

«Ну все, это конец».

Ева, осторожно ступая по полу, который теперь казался ей блестящим льдом, звонко цокающим под каблуками ее туфель, несла пылающий хрустальный кубок.

Синее пламя весело плясало, освещая лица людей. В его призрачном свете она казались Еве чудовищами. Причудливые тени то превращали их лица в оскаленные морды, то обратно — в лица. Они смотрели с интересом и издевкой на Еву и расступались. Кажется, с этой шуткой они были хорошо знакомы и знали, что произойдет дальше.

Ева шла, гордо выпрямив спину и упрямо сжав зубы. Ни словом, ни жестом она не выдавала свое нервное напряжение. Перед глазами ее были только пляшущие синие язычки пламени и Итан. Она видела его, небрежно развалившегося в кресле. Он с интересом смотрел, как она восходит на свою личную Голгофу... да черт, почему эта религиозная чушь лезет в голову?!

Рыжая, кажется, нарочно сманила поближе всех моделек, что сидели у Итана на цепи. Они окружали их столик и преданно выглядывали из клубной темноты.

Взгляд приближающейся Евы метался с одной девушки на другую, отчего-то вычленяя всякие мелкие, ничего не значащие детали. То бретельку платья, ушитого пайетками,

то округлое плечико, которое девушка нарочито выставляла вперед, принимая вычурную и соблазнительную позу, словно в темноте прятался фотограф и запечатлевал ее красоту на снимках.

Они ничего не подозревали.

Они просто делали свою работу. Украшали собой праздник жизни жестоких толстосумов.

На которую из них рыжая собралась выплеснуть жидкий огонь?

Ева крепче сжала зубы, чтоб не разрыдаться в голос, и на миг закрыла глаза, продолжая неспешно и плавно идти вперед.

«Черта с два! Вылью себе на ноги!»

Предвидение предстоящей боли и ужаса обожгло нервы, но видение голой Юлы, которую насилуют и хлещут кнутом, ранило больше. К боли примешивался стыд и ужас, что это унижение никогда не кончится, и Ева твердо выбрала.

«К тому же, я стану уродливой, — думала она, вся трясясь. Ее ноги проделывали последние шаги, и коленки тряслись. — И никто меня не захочет. Никому из них я принадлежать не буду!»

В эти мысли ворвалась тревога, острая и сильная, сметающая все на своем пути. Взгляд Итана, его горящие черные глаза... Ева, шагая вперед, видела только эти глаза. Смотрела только в них, упрямо и непреклонно. Мысленно говорила им о своей готовности тотчас, прямо под этим вниматель-

ным немигающим взглядом, вспыхнуть, как живой факел. И не сворачивала с намеченного пути.

До столика осталось три шага... два... Блестящий поднос на пальцах Евы вдруг задребезжал сам собой, словно при землетрясении, и она, сама не понимая, как, вывернула кисть так, чтоб падающий бокал окатил ее горячей жидкостью.

Но хрустальный кубок словно жил своей жизнью. Против всех законов физики он покатился вверх по подносу и на глазах изумленной Евы спрыгнул с края на пол.

Прямо посреди рассевшихся моделей.

И те не успели бы ни встать, не отползти. Да и цепочки слишком короткие... отпустит ли их Итан, сообразит ли, что произошло? Да и захочет ли, может, шутки рыжей его тоже развлекают?

«Простите меня, девочки...»

Ева закрыла глаза, ожидая хрустального звона и криков ужаса, когда синее жидкое пламя лизнет пол и разбежится, жадно и зло ухватывая своих жертв.

Но ничего этого не последовало.

Три секунды, которые Ева стояла, словно парализованная, зажмурившись, текли вечность. Когда же она распахнула изумленные глаза, перед ее взглядом предстала весьма интересная картина.

Девушек - моделей под ногами не было; Итан ослабил их поводки и они разбежались, спасаясь от падающего огненного кубка.

Но и коктейль был цел. Удивительно, но он не разбился об пол, и даже не упал на то место, в какое ему полагалось свалиться. Тонкая хрустальная ножка кубка была зажата в белых сильных пальцах Итана, и тот с ухмылкой отпивал горящее голубое пламя, весело глядя на перепуганную Еву.

— Великолепно, — пророкотал он глубоким, полным удовлетворения голосом. — Так сладко...

И весьма недвусмысленно облизнул красные губы.

Ева вздохнула полной грудью, ощутив, как судорогой свело плечи. Кажется, она не смела дышать все то время, что несла сюда, к столику, смертоносный коктейль, а теперь просто захлебывалась воздухом. Кровь стучала в ее висках, пьянила ее, Ева едва ли не падала в обморок от пережитого ужаса. И никак не могла успокоиться.

«Черт вас дери! Но это еще не конец! И что они прикажут мне сделать в следующий раз? Отрезать кусок мяса у любого гостя с ляжки?! Да вот хрен вам!»

Теперь она осмелилась посмотреть и на рыжую.

Та, казалось, сходила с ума от ярости и бессильной злобы.

Ее алые кудряшки, казалось, шевелились на голове, как клубок змей, она скалилась и едва не рычала на Итана, который каким-то невероятным волшебством поймал кубок, не позволил ему разбиться.

— Сука, — шептала рыжая, глядя на Еву. Воздух между ними звенел от ненависти. — Дрянь! А ну-ка!..

Но договорить она не успела. Не успела дать очередной

смертоносный приказ.

Итан вдруг оказался на ногах, и рыжая тоже. Они подскокили одновременно с той лишь разницей, что рыжая изговливалась накинуться на Еву, а Итан — затем, чтобы остановить ее.

Кубок, догорая, стоял теперь на столике, а белые сильные пальцы мужчины стискивали лицо рыжей, поднимая его вверх. Рыжая скалилась и рычала, словно дикое животное. Ее острые яркие ногти бессильно рвали воздух, не осмеливаясь, однако, прикоснуться к мужчине. А Итан, посмеиваясь, смотрел в ее искажающиеся, каждый миг меняющиеся черты, с удовольствием упиваясь ее бессилием. Казалось, яростный огонь, вспыхнувший в рыжей, ему нравился, и мужчина искренне наслаждается ее беспомощностью перед ним.

— Ты что, — рычала рыжая, скаля острые, как кинжалы, клыки, брызжа слюной, как бешеная собака. — Ты что, пожалел эту... для меня пожалел?!

Она вопила, рычала, извивалась и корчилась, словно Итан не руками ее держал, а накинул на шею удавку из колючей проволоки. Весь вид рыжей говорил о том, что ей невыносимо больно терпеть наказание от Итана, и Ева испытала подобие удовлетворения от того, что та, что хотела так запросто оборвать несколько жизней себе на потеху, так жестоко наказана.

«Умница, мальчик, — подумала Ева с нехорошим удовлетворением, невольно наблюдая экзекуцию. — А теперь возь-

ми со стола перечницу с чили и отымей эту суку в задницу, чтоб ее припекало по поводу!»

Итан молчал, все так обворожительно улыбался, глядя в лицо рыжей, стиснутое его безжалостной рукой.

— Да, — отчетливо произнес он, не без удовольствия глядя в ее взбешенные глаза. — Пожалел. Тут все мое; я решаю, что и с кем можно делать, а не ты. Так что не смей больше делать что-то без моего одобрения. Поняла?

Рыжая взвыла так, что заглушила музыку.

— Это всего лишь игрушки! — взвыла рыжая яростно, извиваясь. — Эти тупые, пустоголовые люди!..

«Сама тупая овца, — мысленно огрызнулась Ева. — Злобная тупая пизда. Ничего другого, кроме убийств, придумать не можешь? Наркоманка обдолбанная!»

— Это мои игрушки, Лили, — медленно произнес Итан, всматриваясь в плюющееся яростью лицо рыжей, — и я больше не разрешаю тебе их ломать. Ни одну из них без спроса. Поняла? Если ты ослушаешься меня, я раздеру тебя безо всякого сожаления, и утоплю в церковной купели. Поняла?

Рыжая корчилась под его рукой, и остолбеневшая Ева почему-то подумала, что у безжалостного Итана, наверное, отросли когти и прокололи нежное лицо зарвавшейся рыжей до самых костей, заставив красотку корчиться и выть от боли.

«О, прости, Итан, — мысленно произнесла Ева, вся дро-

жа. — В вашей паре яйца явно у тебя. Я и не подумала, что ты разрешаешь, а у этой дуры просто мозгов не хватает сообразить, кто из вас главный! Два-один в твою пользу!

— Спасибо, Ева, — вдруг небрежно ответил Итан, отшвырнув Лили на место одним легким движением руки. — Не забывай, Лили: ты пользуешься тем, что я разрешаю тебе брать. Без меня ты ничто и не над чем власти не имеешь. Поняла?

Он склонился над ней и снова встряхнул ее за грудки так яростно, что у рыжей зубы чакнули, словно от сильного озноба.

— Я не слышу ответа! — прорычал Итан, снова дернув ее.

— Поняла, — задыхаясь от злобы, прошептала рыжая. Она тяжело дышала; ее алые волосы словно поблекли, подернулись пеплом, она потускнела и посерела, и Итан, опустившись в свое кресло, брезгливо махнул в ее сторону рукой.

— Пошла вон, — грубо велела он. На удивление Евы, Лили не стала сопротивляться и спорить. Она молча поднялась и ускользнула, как побитая собака. И модели разбежались, звеня отпущенными Итаном цепочками.

— Присаживайтесь, Ева, — небрежно произнес Итан, снова подняв пылающий хрустальный кубок и пригубив его.

«О господи, да он огонь пьет! — мелькнуло в голове у Евы. Ноги ее подогнулись, она без сил плюхнулась в кресло рыжей, которое ей показалось обжигающе-горячим, нагретое ее телом. — Кто ты такой, милый?! Фокусник, иллюзио-

нист, гипнотизер?!»

Итан снова пригубил кубок и нарочито медленно, картинно втянул синие языки пламени, проглотил их и сладко облизнул красивые губы. Его черные глаза внимательно смотрели на Еву без тени смеха.

— А еще есть предположения насчет того, кто я такой? — поинтересовался Итан, попивая пламя.

Глава 5. Нескромное предложение

— Что вам нужно от меня?! — выпалила Ева, нервно стискивая колени.

Нагретое рыжей кресло кажется Еве раскаленным камнем, на котором сидеть не то, что неудобно — невыносимо. Напряженные плечи едва не сводит судорогой. Мысли в голове носятся, как ошалелые, путаются, и все, как одна, неприятные. Чувства случившегося несчастья не покидает Еву, она тоскливо думает о том, что эту работу, конечно, потеряла (да и к лучшему!), а значит, средств рассчитаться с долгами у нее нет.

И Итан... он напрягает больше всего.

Ему все равно, какие страхи и сомнения гложут ее, Еву. Ему безразлично, что она умирает от страха, потому что ей чудятся шаги директора заведения, который в гневе мчится, чтобы с позором вышвырнуть ее прочь из своего клуба. Это было бы невыносимо стыдно, страшно и так же невыносимо хорошо. Потому что за дверями этого поганого места можно вздохнуть свободно и всплакнуть от облегчения.

«Да уже скорее бы! — молится Ева. — И кончится эта пытка! Должен уволить; персоналу этой пафосной забега-ловки точно не разрешается сидеть рядом с гостями...»

Итан с интересом смотрит на Еву, потягивая отвоеванный у рыжей коктейль.

— Это заведение принадлежит мне, — смеется он, снова угадывая ее мысли. Ева едва сдерживается, чтоб не приревновать. Так вот куда, в чей карман, утекают все денежки за дорогое элитное пойло! — Поэтому здесь только я решаю, что можно делать обслуживающему персоналу, а что нельзя. Но доход от этого клуба — это капля в море, Ева. Капля моих доходов.

Грозные шаги директора клуба из воображаемых стали вполне реальными. Ева вжалась в сидение, услышав сипение расшвырянувшего толстяка, который принимал ее на работу. Он мчался собственноручно сдернуть ее с кресла гостьи и извиниться перед Итаном.

Она уже ощутила на своем запястье его жесткие волосатые пальцы, стискивающие ее руку до боли, но Итан остановил эту гору жирного мяса одним только взглядом черных жестоких глаз.

— Пошел вон, — рыкнул он, к большому удивлению Евы обнажая такие же острые, как у рыжей Лили, клыки. — Эта девушка со мной! Мог бы догадаться и не портить нам настроение. Видишь, ты напугал мою даму, болван!

Толстяк, задыхаясь от быстрого бега и страха, подобострастно согнулся чуть не вчетверо, кланяясь, и отступил. Ева снова осталась наедине с Итаном.

— Сегодня вы — моя гостья, Ева, — небрежно продолжил он, облизнув горячую сладость с губ и проводив недобрый взглядом директора клуба. — Расслабьтесь и не переживай-

те. Я не хочу, чтобы что-то портило вашу красоту. А страх... он искажает ваши черты. Вы становитесь холодной, жесткой и неприступной, Ева. А дочери Евы хороши не этим, нет.

Ева, замороженная его словами, вдруг обнаруживает, что он переместился и теперь сидит рядом с ней, на подлокотнике кресла, и склоняется к ней так близко, что она чувствует сладкое, как самый желанный яд, дыхание мужчины.

Сладкое и горячее.

В нем все еще полыхает коктейль, пьянящий и невероятно вкусный.

— Дочери Евы, — промурлыкал Итан, словно играя, поправив локоны Евы, лежащие на ее плече. Он откровенно любовался девушкой, беззастенчиво рассматривая ее. — Они должны быть мягкие, теплые, податливые. Они полны солнца и света, так и льнут, а в глазах доверчивость, такая же бескрайняя, как море.

Он склонился, придвинулся еще ближе, и Ева, предчувствуя поцелуй, выставила ладошку, едва успела прикрыть свои губы от его. И поцелуй достался ее пальцам.

— Можно подумать, — выдохнула она, — дочери Лилит хуже?

Итан рассмеялся тихонько. В его черных глазах полыхнул такой дьявольский огонек, что девушка обмерла, на миг ослепленная его красотой.

— Они другие, — пояснил Итан, не уточнив, хуже или лучше. — В их сердцах буря и гроза, во взгляде ночь и беда.

Нет, это определенно не то, что мне нужно.

Его губы снова осторожно коснулись теплой ладони Евы, и та ахнула, словно вместе с этим поцелуем в ее сердце ударила молния и пробила ее насквозь. Черные глаза мужчины смотрели в ее глаза, не мигая, и Ева почувствовала, как ее непреодолимо тянет вперед, в руки Итана.

Итан снова поцеловал ее дрожащие пальцы, черные ресницы его дрогнули, он прикрыл глаза, ласкаясь осторожно и нежно, да так, что Ева с трудом подавила в себе порыв. Желание поверить в то, что эти поцелуи не часть игры, а настоящее, неподдельное чувство.

Итан говорил что-то о доверчивости и тепле.

«Не обольщайся, — твердила она себе, а сама не могла оторвать взгляд от мужчины. От его невероятно красивого в ночном свете лица, от бледного высокого лба, от ярких глаз и бровей, от шелковистых черных волос. — Он всего лишь проверяет, а такая ли ты дура, как он об этом думает... доверчивая дочь Евы!»

— Так что вам нужно, Итан, — шепотом повторила она, с трудом сглотнув ставший в горле ком. Всем своим видом она отважно показывала, что не поддастся на чары мужчины, и его, кажется, забавляла ее ершистость.

Итан усмехнулся, снова показав острые клыки, и медленно поднял на девушку ласковый взгляд завораживающих черных глаз.

— Не стану лгать, — с чарующей улыбкой произнес он,

глядя на Еву все так же нежно, — ты нужна мне, Ева. Твоя нетронутость. Твоя чистота. Твоя непорочность.

— У вас много девушек, — возразила Ева. — Зачем вам я? Эти модели, эти королевы красоты... Я им и в подметки не гожусь. Я же простая официантка. Не умею ни по подиуму ходить, ни носить модельной одежды от кутюр.

Итан, чуть отстранившись от Евы, с видимой безразличностью глянул на сбившихся в стайку девушек, которыми до того момента украшал свой вечер. Теперь, в тени, они выглядели как старые, пыльные, облезлые театральные декорации.

— Эти? — холодно произнес он, поднявшись и возвращаясь на свое место. — Жалкие существа... Изломанные картонные куклы. Разукрашены красиво, а возьмешь в руки поиграть, и у них то голова отвалится, то нога. Нет; мне нужна целая. Не испорченная. Не вычерпанная до дна. Живая и теплая. Настоящая. Полная жизни. Полная души. Есть у вас душа, Ева?

— Несомненно, есть, — дерзко ответила Ева.

Двигался он с грацией большого опасного животного.

Да он и был им, большим ночным страшным зверем. Когда он опустился в свое кресло, на лице его не было ни тени нежной ласковости, с какой он смотрел на Еву. Выражение его лица было снова циничное, во взгляде трезвый расчет.

«Притворялся, — подытожила Ева. — Охмурял. Испытывал на мне свои чары».

— Именно так, Ева. Я притворялся, — кивнул Итан хо-

лодно. — Но к делу. Я человек достаточно влиятельный и богатый. В кругу... своих, — Итан гаденько усмехнулся, — я занимаю достаточно высокое положение. Очень высокое. Но иногда мне нужно... подтвердить свой статус.

Он снова рассмеялся, скрывая досаду и злость, и Ева каким-то шестым чувством ощутила его беспомощность.

— Раз в десятилетие один очень важный... человек устраивает бал. На него приглашены все известные и важные персоны. И пропускным билетом на это мероприятие лично для меня должна быть девушка. Такая, как вы. Которая не прогнила насквозь, и которая за деньги не станет скакать с голой задницей. Это, Ева, и есть душа. То, что в вас горит и стоит для вас дороже пачки купюр.

— И зачем вам это? — дрожащим голосом поинтересовалась Ева. Итан холодно пожал плечами.

— Мне это не нужно совершенно. Это условие, выдвинутое мне. Я должен его исполнить.

— А! И поэтому вы строили мне глазки? Пытались охмурить?

Итан молча проглотил этот издевательский вопрос, недобро глядя на девушку.

— И это тоже, — процедил он сквозь зубы. — И обычно это у меня неплохо получается.

Ева насмешливо фыркнула. Эта неприкрытая насмешка взбесила Итана, он оскалился, словно волк, будто смешок девушки пребольно резанул по его самолюбию.

— Так и охмурили бы кого другого, — все так же нахально продолжила Ева. — Любая с вами помчится на бал с преевеликим удовольствием!

— Ты невнимательно слушала меня, дочь Евы! — каким-то странным, змеиным голосом прошипел Итан. От злости его глаза разгорелись, словно алые раскаленные угли, и это было страшно. — Мне не нужна любая! Мне нужна девушка с душой. Та, которая не выпрыгнет из трусов при виде моих денег.

— А! Такую заполучить не просто, — издеваясь, заметила Ева. — Странные у вас комплексы. Вроде, все при вас. Молодой и красивый, а думаете, что девушки с вами из-за денег?

Итан поморщился.

— Я ничего не думаю, — грубо ответил он. — Мне на девушек плевать. Они мне не нужны.

— По мальчикам?.. — не менее грубо намекнула Ева.

— Нет, — ядовито ответил Итан, вспыхнув, однако, до корней волос от этого оскорбительного намека. — Лили, ты же ее видела. Она моя... скажем так, почти состоявшаяся жена.

— Любви между вами ни на грош, — заметила Ева.

«Я нарвусь, и он отомстит мне, — промелькнуло в голове у Евы. — Не может не отомстить. Господи, зачем я его дразню?!

— Мне не нужна любовь, — желчно ответил Итан. — И

ей, кстати, тоже. Мы просто подходим друг другу. Идеально. Понимаем друг друга и держимся на равных. А меня вынуждают ухлестывать за какой-то ненужной мне девицей вроде тебя. Это не может не раздражать.

— Что ж поделать, — притворно вздохнула Ева. — Капризы биг босса следует покорно выполнять и не сопротивляться его желаниям?

Эти слова снова разозлили Итана. Любое напоминание о том, что его принуждают к чему-то, доводило его до иступления, и он ворчал и скалился, словно его бьет током.

— Этим я и собираюсь заняться, — елеинно произнес он. — В общем, Ева: ты пойдешь со мной.

— Вот еще, — возмутилась Ева. Но теперь пришла очередь Итана издевательски хихикать.

— О да.

— Но я в вас не заинтересована! И симпатии к вам у меня нет ни капельки! А как же охмурение? Вы даже не попытались! Халтура! Нечестно! Можно же было подготовиться заранее?!

Ева не знала, зачем она паясничает и говорит все это прямо в лицо Итану. А он, сцепив пальцы, подавшись вперед и весь словно обратившись в слух, с ухмылкой слушал, как она мелет всю эту чушь.

— Подготовиться было можно, — проворчал он. — Мне был дан год. Но я...

— Проразвлекался, — угодливо подсказала Ева.

— Именно, — ядовито согласился Итан.

— Пил, гулял, проводил время со сломанными картонными женщинами?

— О, да! В постели они весьма живенькие!

— И вспомнил об условии только что, буквально на днях?

— Ага. Так и было. И еще, — Итан хитро прищурился, — часть моих способностей, тех, что помогают мне охмурить любую, просто заблокированы. Как банковский счет, до подтверждения статуса.

— Способностей? — удивилась Ева, и Итан придвинулся к ней ближе, сверкнув алыми зрачками.

— Способностей, — повторил он хриплым, нечеловеческим голосом, от которого Ева обмерла. — Дочь Евы, хватит ходить вокруг да около. Я демон; разве ты не видишь? Мой биг босс, как ты его называешь, поставил мне на грудь печать и лишил сил. Все, что я могу — это показывать дешевенькие фокусы. Например, притянуть в руку падающий бокал с горящим коктейлем. А будь у меня мои прежние силы, ты помчалась бы на край света за мной, не спрашивая зачем.

— О господи, — пролепетала насмерть перепуганная Ева.

— Не взывай понапрасну, здесь он тебя не услышит, — небрежно произнес Итан. — Итак. Время упущено. Искать покладистую и чистую девицу мне некогда. Остаешься только ты. Но и с тобой возиться мне лень. Так что я предлагаю тебе честную сделку. Ты идешь со мной, а я... я решаю все твои проблемы. Годится?

Глава 6. Золотая клетка

Ева насмешливо фыркнула.

— А если я не соглашусь? — спросила она.

Вот так, запросто, соглашаться на условия, и кого?! Демона! В голове не укладывалось, но, похоже, Итан не врал.

Перестав натягивать гладкую личину человека, он показал свою демоническую сущность. Глаза его разгорелись алым, как пылающее сердце преисподней. В черных волосах сверкнули витые черные рожки, на щеках сверкнули раскаленными лавовыми реками извилистые алые полосы. То под кожей текла огненная, обжигающе-горячая кровь...

На его широкой груди, прямо напротив сердца, просвечивая сквозь одежду, горела алая печать. В середине кружилась пятиконечная звезда, по периметру, над ободком, бежали письмена. Завораживающее зрелище; словно звездопад ночью.

И все алые, полные кипящей крови сосуды, тянулись к этой печати, подпитывали ее и были заперты ею.

Ослушается, применит силу — и печать просто взорвет его, выплеснет наружу его жизнь и кровь.

А за спиной его черной тенью раскрылись угрожающе-огромные, вороново-черные крылья.

«А тебя здорово поймали. Надежно привязали, — подумала Ева. — И ничего ты мне не сделаешь. Договора с демо-

нами? Черта с два, милый! Особенно если речь сразу пошла про душу!»

— Что, впечатляю? — буркнул он, исподлобья глядя на опешившую девушку. Резко изогнутые угольно-черные брови его только подчеркивали неприветливость и хищность взгляда, и Ева лишь кивнула, не найдя в себе сил ответить.

— Но я не согласна! Нет! — выдохнула она, когда угрожающее и прекрасное видение рассеялось, и вместо падшего ангела перед ней снова сидел просто красивый черноволосый мужчина.

Итан недобро посмотрел на нее. В его чертах, еще недавно таких расслабленных, нежных и ласковых, сейчас не было ни намека на человеческое тепло и понимание.

Он словно сбросил маску и предстал перед Евой таким, каким он был на самом деле: циничным и жестоким.

— Ты согласишься, — злобно произнес он. — Я знаю о тебе все, абсолютно все, маленькая дочь Евы. Ты в моей власти больше, чем думаешь.

В руках Итана словно по волшебству появились какие-то документы, которые он выложил перед онемевшей Евой неспешно и вкрадчиво, как выгодную комбинацию покера.

— Твои долги, — пояснил Итан. — Я выкупил их все, до последнего гроша. Теперь ты должна мне довольно кругленькую сумму. И я не стану с тобой церемониться; если ты будешь брыкаться, я в суде тебя раздену догола.

— О, нет...

— О да. Я уничтожу тебя — и не из-за денег, а из-за того, что ты своим упрямством пытаешься разрушить мое могущество. Меня это здорово злит.

Расширившимися от ужаса глазами Ева рассматривала свою подноготную, свою жизнь последних дней, запечатленную в сухих цифрах на бумаге, а Итан нахально усмехался.

Кровь бросилась в лицо Евы, девушка вскипела.

— Но причем тут я?! Я тут причем?! — закричала она гневно. — Я просила у тебя выкупать мои долги?! Я просила у тебя денег?! Нет! Ты сам это затеял, а меня обвиняешь в своих неприятностях!

— У меня нет неприятностей, — хладнокровно заметил Итан. — А вот у тебя они будут, если не прекратишь дерзить мне. Я не люблю дерзких; женщины должны быть покорны и выполнять любое желание мужчин.

— Да неужели?! — возмутилась Ева, подскакивая на ноги. — Знаешь что? Забирай мой дом, мою машину... что еще? Хватит этого, чтобы покрыть мой долг? Забирай все, от меня только отстань! Найди себе другую дурочку!

— Ты невнимательно слушаешь меня, Ева, — недовольно заметил Итан. — У меня нет времени искать что-то другое, более-менее подходящее. Совсем нет. Свои воспитательные речи о том, что надо было думать раньше, оставь себе. Я нашел то, что мне нужно; заставить тебя — дело техники. Не умеешь носить дорогие наряды от кутюр? Поверь, абсолютно все девушки учатся этому в кратчайшие сроки. Пройтись

в дорогом шикарном платье, в бриллиантах, попить элитного вина и потанцевать — согласишься, не пыльная работенка?

— Я не хочу! Не хочу плясать на потеху чертям! И никакие деньги не стоят этого!

Итан вдруг поднял со стола бумажки и стиснул их в ладони, комкая с хрустом.

— Но об этом, о твоём жалком долге можно забыть, — вдруг жестко произнес он, хищно глядя в глаза рассерженной Евы. — Деньги ведь ничего не значат, по большому счету. А вот твоя маленькая тайна... твоя мечта... Я и о ней знаю, — произнес он.

Словно Джокера выложил.

Это было сокрушительное поражение. Это убило желание Евы сопротивляться в один момент. Оставив в сердце гулкую пустоту, в которой болезненно пульсировал проросший росток надежды.

Зачем так жестоко?! Зачем давать эту надежду?! Зачем?!

Девушке хотелось кричать и выть, но никто не услышал и не пожалел бы ее. Никто не утешил и не сказал бы, что мучительная надежда обязательно реализуется. И мечта сбывается...

Никто не отдал бы часть своих сил ей, Еве, чтобы не было так невыносимо трудно дышать, чтобы глаза не наполнялись слезами, чтобы не рвало грудь от желания орать во все горло.

В этот миг Ева побледнела так, что это стало заметно в пульсирующем ночном свете.

— Откуда?! — выдохнула она. Итан усмехнулся, за спиной его снова шевельнулись черные крылья.

— Ты забываешь о том, кто я такой, — туманно ответил он. — Все же кое-какие силы у меня остались. Я легко читаю твои мысли... и мысли людей, что с тобой связаны. Узнать об этом было легко. И я знаю, что за эту мечту ты готова продать свою душу.

Силы изменили Еве, ноги ее подогнулись, и она плюхнулась в кресло, тяжело переводя дух.

— Но мне твоя душа не нужна, — небрежно произнёс Итан, поглядывая на девушку. — Точнее, мне нужно, чтобы ты предстала на балу целенькой, со своей душой на положенном месте, неиспорченной и чистой, как сейчас. Поэтому не бойся, я не растерзаю тебя в страшном ритуале, — Итан хрипло хохотнул. — Вижу, до тебя начало доходить, что мне лучше не перечить, так?

— Но какие гарантии, что ты потом, воспользовавшись, не причинишь мне вред...

— Никаких. У кого ты хочешь получить гарантии? — цинично усмехнулся Итан. Ему явно нравилось мучить и пугать девушку. Запах ее страха, бушующего в крови адреналина, казался ему изысканным ароматом, словно самые дорогие духи. — О, прости, не мог удержаться. Обожаю пугать и дразнить.

— Если ты не прекратишь меня мучить, засранец, — зло произнесла Ева окрепшим голосом, — я могу и отказаться.

— Не можешь, — небрежно ответил Итан. — Я ведь как могу исполнить твоё сокровенное, самое большое желание, так и сделать его невыполнимым. Абсолютно. Бесповоротно. Ты понимаешь, о чём я?

В его лицо было страшно смотреть, Ева безо всякой телепатии поняла, что он не шутит. Убьёт.

— Ты этого не сделаешь! Нет!

— Да? А что мне помешает? Жалость к тебе, строптивая глупая девчонка? Я не поджарил тебе пятки и не вытащил кишки лишь потому, что не хочу портить внешний вид. Мне ещё предстоит с тобой показываться в обществе. Так что давай без глупостей.

— Только попробуй навредить, — зло прошипела Ева, испепеляя нахала взглядом. — О, только попробуй! И я найду на тебя управу! Ты ведь не один такой, что ищет себе пару на показ?

Итан сощурил темные глаза. Выражение его лица стало холодным, напряженным и отталкивающим.

— Убери свои поганые лапы от моего сокровенного и святого! — прорычала Ева гневно. По ее горячим щекам уже ползли слезы. — Иначе я сама найду такого же красавца с хвостом и копытами, как ты, и подпишу с ним договор! И тебе не достанется то, что так нужно!

— Эй, эй, эй! Потихе с шантажом, — произнес Итан. Еве показалось, что в его голосе проскользнул страх. — Хорошие и чистые девочки не шантажируют никого, и не торгуют

ются, даже если имеют дело с демонами.

— А! Явиться на бал с девицей с изъяном в душе намного позорнее, чем с уродом?

Итан холодно взглянул на Еву.

— Что-то вроде того, — зло процедил он.

— Значит, подпишем договор здесь, сейчас, — торжествуя, сказала Ева. — И только тот, который устроит меня! Это ведь не я тебя вызвала их преисподней, милый! Не я у тебя просила благ и не мне от тебя что-то нужно, а тебе. Так что условия я буду выдвигать!

Итан смолчал.

— Я не слышу ответа, хвостатый!

— У меня нет хвоста, — рыкнул Итан.

— Я даю согласие сопровождать тебя на этот бал в качестве твой спутницы, и только! Никаких иных услуг я не предоставляю, и касаться себя не разрешаю. А ты за это...

— Не много ли ты хочешь за свои услуги?

— Ты вызвал человека из сердца каменных джунглей, демон Итан, своим неумелым варварским ритуалом, еще и умудрился рассердить его! Так что терпи и соглашайся на то, что предлагают!

Железные пальцы демона сомкнулись на горле Евы, и она, задыхаясь, беспомощно задрыгала ногами, ощутив, что висит в воздухе безо всякой опоры.

— Глупая девчонка, — яростно прошипел Итан, глядя в

ее бледнеющее лицо сияющими алыми глазами. Его голос был похож на шорох лавы о камни. — Кем ты себя возомнила, а? Не разрешаешь касаться... да я и не собирался очаровывать и соблазнять какую-то жалкую полумойку вроде тебя! Для этих целей у меня есть много вариантов поинтереснее! Ты всерьез думала, что мне нужно твое тело? И твое разрешение, чтобы воспользоваться тобой?!

Итан насмешливо фыркнул и помотал головой, прогоняя абсурдные мысли.

— И твои опасения... нет, они не глупы, они оскорбительны для меня!

— Мне все равно, — задушенно просипела Ева. — Я должна себя... обезопасить...

Глядя в ее краснеющие от удущья глаза, Итан расхохотался, встряхнул ее крепче..

— То есть, сейчас ты в безопасности? Ты правда так думаешь?

Он брезгливо дернул рукой, словно избавился от чего-то противного, мерзкого, и Ева, надсадно кашляя, упала в кресло.

— Договор, — упрямо хрипнула Ева, едва смогла говорить.

— Я сейчас просто убью тебя, наглая и глупая дочь Евы.

— Не убьешь. У тебя нет времени искать кого-то другого и очаровывать ее, ленивый и хитрожопый чертенок! — зло огрызнулась она.

— Я превращу твою жизнь в сплошную невыносимую боль, нажав на то самое болезненное место в твоей душе!

— Давай! Рискни! И ты получишь демоницу, рядом с которой твоя Лили покажется тебе нежным ангелочком! — Ева так расхохоталась, что повалилась на спину без сил.

От ярости и бессилия Итана трясло.

Больше всего ему хотелось сейчас же ухватить эту девку и свернуть ей шею, навсегда задушить ее голос, отваживающийся говорить с ним так непочтительно. Но он сдержался, хотя кровь его кипела.

«Сначала дело, — злобно подумал он. — Потом... потом она ответит мне за все, раскается в каждом произнесенном слове!»

— Годится, — легко согласился Итан и резко кивнул в темноту. — Забираем ее.

Ева оглушительно взвизгнула, когда из тьмы выступили каменномордые охранники, и один из них, не церемонясь, ухватил ее и закинул себе на плечо.

— Отпустите меня сию минуту! — заверещала Ева, кверху задницей свисая с плеча огромного мордоворота и дубася его спину кулачками. — Куда?.. Куда вы меня тащите?!

— Как куда? — усмехнулся Итан. — Подписывать контракт, о котором ты так мечтаешь.

— Я ни о чем не мечтаю!

Итан не ответил. Один из его телохранителей набросил ему на плечи пальто, демон подхватил щегольскую тросточ-

ку из лакированного черного дерева, с серебряной ручкой, и, беспечно насвистывая какую-то песенку, направился в сторону выхода, к пневмолифту.

Ева на миг затихла испуганно, из-за спины шагающего и тащащего ее на плече охранника попыталась заглянуть в подсвеченное пространство, раскрывающееся перед ней, и испуганно крикнула:

— Куда ты сейчас меня повезешь, негодяй? Отвечай, прекрати скалиться!

Итан, беспечно шагающий вперед всех, лишь небрежно обернулся и снова рассмеялся, потешаясь над ее испугом.

— Добро пожаловать в Ад! — паясничая и издеваясь, ответил он.

Глава 7. Гнездо порока

Лили вывалилась из лифта, который вывез ее на самый верх сверкающей в лунном свете стеклянной башни-небоскреба. Здесь, на самых высоких этажах, в пентхаусе, было расположено самое сердце тьмы.

«Странное желание быть повыше, словно поближе к отвёргнутому нас божеству», — со злобой думала она.

У самого входа в преисподнюю она подхватила с подноса у официанта рюмку с крепким алкоголем, кажется, с чистейшей водкой, одним махом опрокинула ее в рот и зажмурилась. От спиртовой сушащей горечи на глазах выступили слезы. Или не от спирта?..

Психуя и ругаясь, рыча сквозь сжатые зубы самыми грязными словами, она неслась по ночным полутемным комнатам, наполненным лунным зыбким светом и стонами, более чем откровенными, и призывала, словно исступленный верующий:

— Дамиан! Ну, где же ты, ублюдок Сатаны? Это все ты придумал, засранец, и тебе и дела нет до того, что кто-то мучается из-за тебя!

Она отыскивала старейшину демонов, металась по полутемным апартаментам, хотя точно знала, где он.

На Обряде Обращения. Самое гадкое, самое извращенное, самое грязное действие... Обычно глядя на него, Лили

испытывала лишь безгливость, но порой то, что там происходило, тонкая смесь страха, стыда, наслаждения и мучений заводи́ли ее. И она наслаждалась каждым всхлипом терзаемой жертвы.

Но только не сегодня. Сегодня ее выворачивало от мысли о том, что она может увидеть корчащееся тело, и — подумать страшно! — над ним Итана. От мысли о том, что он может именно сегодня участвовать в оргии, Лили хотелось выть и орать, раздирая себе ногтями грудь.

Еще одна извращенная выдумка Дамиана. Пока демоны развлекаются и служат ему, демоницы поджариваются в огне ревности.

— Злобный извращенный ублюдок!

Ее слова звенели в мертвенном лунном свете, и Лили словно наяву увидела ухмылку на его красивом, но холодном, словно мертвом, лице. Ему бы понравилось, что Лили роняет злые горячие слезы ревности...

Стоны жертвы она уловили обостренным слухом изда́лека, и, бегая в поисках Дамиана, Лили надеялась, что он уже закончил. Но надеждам ее не суждено было сбыться.

Чутье демоницы привело ее к дверям в Большой Зал, и Лили зажмурилась, прежде чем открыть их.

Большой Зал, или главный, походил то ли на карьер, в котором жадные люди добывают алмазы, то ли на девять кругов ада. Сегодня все ярусы-ложи, окружающие сравнительно небольшую площадку внизу, были заполнены демонами,

мужчинами и женщинами. Их глаза мерцали во тьме, они шумно дышали, их страдания и похоть перемешивались в изысканном и порочном коктейле.

Внизу, на жертвенном столе, была привязана жертва.

Обнаженная женщина.

Ее растянутые в разные стороны руки и ноги были крепко схвачены ремнями, рот, из которого рвались рыдания и крики, заткнут резиновым кляпом в виде веселенького ярко-красного шарика.

Женщина умирала от страха и стыда. Она рвалась из своих пут, старалась сжать колени и спрятаться, прикрыться, но у нее не получалось. Все, что ей удавалось — это извиваться, судорожно и возбуждающе.

Ее бедра заметно тряслись, белая кожа блестела от пота, по некрасиво перекошенному лицу текли слезы, целые ручьи слез, и Дамиан, прогуливающийся мимо жертвенного стола, нет-нет, да утирал ее лицо платком.

Он не притворялся ни бизнесменом, ни богатеем, ни тузовщиком.

К одежде этого мира он испытывал брезгливое отвращение.

Черная кожа одевала его стройное, статное тело. Костюм его был изысканным и угрожающим. Светлые волосы лежали на плечах, словно лучи луны. Холодные серые глаза бесстрастно смотрели на жертву.

«Невинная жертва в последнем кругу Ада, — насмешли-

во подумала Лили, поспевшая к самому началу ритуала. — Иронично! С кем ты споришь, с кем ты меряешься могуществом, больной ублюдок?»

Меж тем Дамиан обвел собравшихся холодным и безразличным взглядом и произнес звучным голосом, что взлетел к далекому потолку:

— Добродетельная женщина... Впрочем, что она считала добродетелью? Вы ведь замужем, милая?

Его узкая ладонь коснулась ее спутанных волос, и женщина, вздрогнув, часто-часто закивала головой, надеясь, наверное, заслужить себе помилование своей покорностью.

— Замужем, — почти ласково произнес Дамиан, всматриваясь в полные стыда и слез глаза. — То есть, на ложе с мужчиной ты ложила. Уже не невинна. И знаешь, что происходит в постели. Так отчего же ты рыдаешь?

Она услышала его слова и взвыла еще громче, зажмурившись. Тело ее снова стало извиваться, и Дамиан с нескрываемым удовольствием огладил его, влажное и холодное.

— Замерзла, — отметил он. — Ну, ничего, скоро тебе будет даже жарко. Потому что тебя будет греть не один мужчина, а несколько.

Он щелкнул пальцами, и из темноты к жертвенному столу выступили сразу несколько обнаженных мужчин. Они были возбуждены; скудный свет играл бликами на их телах, красоте которых позавидовали бы и самые идеальные античные статуи.

— Отчего ты орешь? — уже грубо спросил Дамиан. — Неблагодарная... я даю тебе самое лучшее, что у меня есть! А? Что? Что ты там бубнишь? Я не понимаю ни слова!

Он склонился над ее залитым слезами лицом и сделал вид, что прислушивается. Его светлые волосы легли рядом с ее волосами и смешались, как смешиваются волосы любовников на подушке.

Лили, наблюдающая это представление, усмехнулась. Она точно знала, что Дамиану не нужно прислушиваться, чтобы знать все самые потаенные мысли этой женщины.

— Ничего не понимаю, — брезгливо произнес он, наслушавшись вдоволь ее всхлипов и жалких стонов. — Хорошо, я освобожу тебе рот, если ты обещаешь мне не вопить. А если ты разорешься, как ослица, я отрежу тебе язык. Поняла?

Жертва часто-часто закивала, подвывая от ужаса и заливаясь слезами, и Дамиан неспешно и почти благоговейно приподнял ее голову и расстегнул застёжку на ее затылке.

Алый мячик с рыданиями вылетел из распухших губ. Дамиан вопросительно приподнял брови, и женщина стихла, вся содрогаясь от ужаса.

— Ну? — нетерпеливо произнес он. — Что тебя так пугает?

Она что-то невнятно пискнула, и Дамиан обернулся к демонам.

— Ее пугает количество мужчин, — громко объявил он всем. — Она боится, что не вынесет и умрет, когда они все

разом за нее примутся. А они примутся за нее все, это я вам обещаю! Но разве можно умереть от наслаждения?

Он снова склонился к рыдающей женщине, она снова что-то невнятно пискнула.

— Она боится, — произнес Дамиан, — что следующие полчаса станут для нее самыми мучительными и самыми страшными в ее жизни. Она не хотела бы умереть в муках... — он свысока глянул на жертву. — Хотя я неоднократно говорил ей, что мы собрались тут затем, чтобы подарить ей любовь... Любовь, а не боль, как это делал ее муж. То, что она принимала за любовь, не приносило ей ни удовольствия, ни удовлетворения, ни радости. Так в чем же смысл твоей добродетели, женщина? В чем смысл твоей верности этому мужчине, если он не мог и не хотел любить тебя как должно? И любовь для тебя представляется сплошной болью? Ты ведь не испытывала экстаза никогда?

— Нет, — еле прошелестела несчастная.

— Ну, так мы сейчас это исправим. Он ведь называл тебя фригидной коровой, так?

Лили усмехнулась, отвернула лицо.

«Он умеет запудривать мозги! Болтун...» — подумала она безо всякого почтения.

— И нет-нет, — продолжил Дамиан, касаясь подрагивающего тела женщины, — никакого изнасилования, о котором ты так упорно думаешь.

«Наглый враль! Ты уже изнасиловал ее во всех смыслах,

выставив голой с развернутыми ляжками на всеобщее обозрение!»

— Чтобы никто из этих красавцев не покусился на твою драгоценную дырочку, мы ее... закроем.

Женщина оглушительно взвизгнула, когда Дамиан одним толчком погрузил в ее лоно ритуальный член, выточенный из камня с бархатистой поверхностью.

— Вот так, — произнес Дамиан, прижимая пальцами округлый пятачок каменного основания к покрасневшим половым губам, к сжавшемуся стыдливо лону. — И никто не тронет тебя там. Поняла?

Женщина, трясаясь как в лихорадке, кивнула.

Член был довольно велик, чуть изогнут и ребрист. Каждое движение ее тела приводило к тому, что он массировал ее изнутри, и выражение ужаса в глазах женщины начало меняться на какое-то другое. Она прикусила губу, приподнялась, краснея, словно хотела посмотреть, что происходит у нее меж ног, но Дамиан не позволил ей этого сделать.

По его знаку пара демонов шагнула к извивающейся жертве и припала голодными губами к ее груди. Их горячие жадные губы ласкали ее соски. Целовали и лизали их так нежно, что женщина с криком откинулась на спину, переживая перовое удовольствие и жгучий стыд.

— Разве это может пугать? Разве это может причинять боль? — бормотал Дамиан. Он неспешно кружил вокруг ритуального стола, и, повинаясь движению его рук, все новые

и новые демоны занимали свои места рядом с распластан-
ным телом женщины. Двое со страстью принялись ласкать
и целовать ее ступни, обсасывая каждый пальчик, еще пара
устроилась меж ее ног. Один, невероятным образом пролез
под жертву, прижался жадным языком к ее задку, к сжавше-
муся пятнышку ануса. Второй, придерживая рукой ритуаль-
ный член внутри тела жертвы, со страстью принялся цело-
вать и лизать ее клитор, и женщина выкрикнула, замирая от
ощущений, которых никогда не испытывала ранее.

Масса поблескивающих потом человеческих тел шевели-
лась, раздавались стоны и звуки жадных поцелуев, и по блед-
ным губам Дамиана скользнула чуть заметная едкая улыбка.

Женщина выглядела потрясенной, оторопевшей. Она не
верила, что ее тело так может отвечать на прикосновения
мужчин. Ласки становились все смелее, даже грубее, пальцы
мужчин тискали женское тело все сильнее, все крепче, но ее
уже не пугала даже легкая боль, которую они причиняли.

Жертва дрожала и вскрикивала, напрягая бедра, и Дами-
ан, заложив руки за спину и наблюдая эту развратную возню,
снова усмехнулся.

— Ты чувствуешь его в своем теле? — спросил он у жен-
щины.

Это был неуместный и не вовремя заданный вопрос. Все
ее тело содрогалось, словно его рвали в разные стороны. Она
подняла голову, чтобы ответить, взглянула затуманенными
глазами в холодные глаза демона, но сказать ничего не успе-

ла. С губ ее сорвался то ли стон, то ли вой, и очередной любовник жадно выпил его, запечатывая ее рот развратным поцелуем.

— Я не слышу ответа, — требовательно напомнил о себе Дамиан, когда поцелуй закончился, и жертва упала на стол без сил, запыхавшаяся.

— Чув... ствую, — прошептала она. Глаза ее были туманны, и она уже не могла смотреть перед собой прямо.

Жадные языки вылизывали ее спереди и сзади, коварные пальцы толкали в ее лоне член, и наслаждение, стыдное и запретное, накатывало на нее волнами.

— Так же, как своего мужа? — холодно поинтересовался Дамиан, хотя он видел, что жертва вот-вот сорвется в спазмы оргазма. Она не отвечала, вся вздрагивая. — Я не слышу!

По лицу жертвы пошла мучительная судорога, рот ее раскрылся, показался влажный расслабленный язык. Женщина вздрагивала от первых сладких спазмов, и руки любовников, теребя и тревожа все чувствительные точки ее тела, погружали ее в горячее сладкое безумие.

— Так же или нет?

— Ина... че... — корчась и вздрагивая, выдохнула женщина. Она кончала у всех на глазах, веки ее опустились, прикрыв затуманенные глаза, и Дамиан хмыкнул.

— Иначе... Исчерпывающий ответ, — пробормотал он и, развернувшись, пошел прочь из зала. — Лили? Кажется, ты искала меня?

— Что за спешка? Я помню, ты не очень любила Обряды Обращения. А тут сама примчалась посмотреть.

Дамиан, заложив руки за спину, неспешно и спокойно вышел через двери и прикрыл их за собой. Вслед ему неслись жалкие стоны и вой; жертву на ритуальном столе трахали так, что она кончала каждый миг, удовольствия было через край. И его было так много, что оно переходило в страдание.

Сразу два члена скользили в ее растянутом лоне, и жадный горячий язык вылизывал и теребил ее распухший клитор. Женщину корежило, она вздрагивала, напрягая бедра, кончая, но оргазм не проходил, накатывал снова и снова. И жертва корчилась, как одержимая.

— Я и сейчас терпеть их не могу, — огрызнулась Лили, скаля клыки.

Дамиан насмешливо оглянулся на следующую за ним девицу и усмехнулся.

— Завидуешь? — издевательски поинтересовался он.

Для этого обряда Дамиан отбирал только самых голодных, самых красивых инкубов, и жертву они ласкали умело и изощренно, не причиняя ей боли. До поры, до времени... Эти умельцы умудрялись и в зад жертву вдвоем трахнуть, да так, что та верещала от оргазмов.

Расплата за наслаждение, как правило, приходила потом...

— Как ты мог подумать! — фыркнула Лили. — Я? Завидую ей?

— В отличие от нее, — заметил Дамиан, неспешно шествуя по коридору, — тебе за это удовольствие не пришлось бы платить.

— Да конечно, — фыркнула насмешливо она. — За эти игры Итан отвесил бы мне такую плюху, что я бы...

— Итан так и не сделал тебе предложения? — неуважительно перебил излияния Дамиан, прекрасно зная, что это ее больное место. И ему не было плевать на ее чувства — он причинил ей боль нарочно, чтобы послушать, как она будет беситься. — Ты зря считаешь себя принадлежащей ему и сохраняешь видимость верности. Ему это не нужно. Так что я разрешаю после обряда, когда инкубы затрахают эту дуру до потери сознания, позвать к себе парочку. Они все равно не удовлетворятся ею.

От безразличных, холодных слов Дамиана Лили едва не взвыла, словно ее с головой окунули в ледяную святую воду, режущую кожу острыми колкими льдинами.

— Зачем все это?! — взвыла она, не вынеся.

— Что именно? — уточнил Дамиан.

— Не прикидывайся, что не понимаешь меня! — рычала Лили. — Зачем ты заставил Итана искать безгрешную душу?! Зачем они тебе нужны?

Дамиан снова покосился на Лили, нервно вышагивающую рядом с ним, и небрежно указал пальцем на место чуть позади себя. Лили с утробным рычанием, со слезами на глазах подчинилась; она отстала от Дамиана, ступила на указанное

место и покорно преклонила колени и опустила голову, всем своим видом выказывая покорность. Дамиан, удовлетворённый демонстрацией ее смирения, качнул головой и неспешно продолжил свой путь.

Униженная Лили подскочила на ноги и засеменила вслед за ним, хотя могла обогнать его в три шага. Но теперь она шла чуть поодаль, отставая от Дамиана ровно на то расстояние, на котором он велел ей держаться.

— Зачем? — выла она.

— Итан повзрослел, — философски заметил Дамиан. — Ему пора пройти испытание невинной душой. Разве ты не хочешь, чтобы он стал сильнее и занял место повыше? Это престижно. Это новые силы, новая власть. Я думал, ты имеешь серьезные виды на него. Частью своей власти он поделился бы и с тобой. Думаю.

— Испытание? — ревниво поинтересовалась Лили. — Что за испытание? Он что, должен будет?..

— Еще скажи, — насмешливо фыркнул Дамиан, — что ты ревнуешь и страдаешь от его неверности. Нет, испытание заключается не в том, чтобы трахнуть ее. Он сделает это и безо всяких испытаний.

— Да мне плевать, кого он там будет трахать!

— Что же тогда тебя не устраивает?

— Он смотрел на нее! — прорычала Лили злобно. — Он никогда ни на кого так не смотрел!

— А, так он нашел ее, свою идеальную, свою невинную

душу, — удовлетворенно произнес Дамиан, чуть кивнув головой. — С первого раза? Надо же, как ему повезло. Интересно взглянуть, что там за ягодка такая, что наш идеальный Итан тотчас попался.

Но Лили не слышала его. Глаза ее одержимо сверкали, мысли и эмоции непрерывным потоком слов рвались из ее души, и она не могла их унять.

— Он ударил меня! — взвизгнула Лили. — Он не позволил мне даже подумать о том, чтобы причинить ей вред! Он и коснуться мне ее не позволил, мне! Практически своей жен...

— Никто, — грубо перебил ее Дамиан. — Ты ему не жена. Ты ему никто. Он просто проводит с тобой время.

— А она кто?! — яростно рычала Лили, щуря пылающие глаза. — Он впервые видит ее!

Дамиан помолчал.

— Хорошо, я скажу тебе, — произнес он, наконец. — В конце концов, мне не безразлично, чем кончится испытание Итана. А ты можешь помочь ему пройти с честью это нелегкое... дело. Чистая душа этой девицы — это часть его собственной потерянной души.

— Одна душа на двоих? — удивилась мгновенно притихшая Лили.

— В некотором роде. Душа, которая согревает его. Душа, способная родить живое в его сердце. Итан проводит с ней время; привыкает. Она наполняет его жизнью. Чувствами;

желаниями. Прорастает в нем светом. И испытание его заключается в том, чтобы потом, когда я попрошу, он смог отказать от нее. Изгнать прочь. Оторвать от себя, как кровоточащий кусок мяса. Это трудно, почти невозможно. Но если Итан сделает это, он получит еще больше силы. Я смогу ему доверять... больше, чем сейчас. Вот зачем все это, — Дамиан снова глянул на Лили. В его серых холодных глазах плясали смешинки, выражение этих глаз было самым издевательским. — Вот зачем я опечатал его силу — чтобы совладать с ним, если он заартачится. Я должен знать, что ради меня Итан откажется от самого себя. От своей души. От жизни. От того, что делает его по-настоящему счастливым. А не потому, что мне хочется, чтоб он извращенно натянул какую-то шлюшку, чтоб побесить тебя. Ты ведь так думала?

Лили покраснела и опустила голову.

— Маленькая глупая дрянь, — поцедил Дамиан сквозь зубы, неприязненно рассматривая демоницу. — Тупая девка, а не демон... Все вы думаете одним местом, и только о том, что старшие ничего не понимают, малолетки сопливые...

Лили смолчала, пристыженная. То, что Дамиан легко читает ее мысли, ранее никогда не было для нее проблемой. Она не скрывала их ни от кого. Злобные, властолюбивые, эти мысли были обычны для демоницы. Теперь же ей было нестерпимо стыдно за то, что она мыслит так примитивно.

— Иди, — рыкнул Дамиан, — подготовься к его прихо-

ду! Пока эта девка не засосала его в свои сети, соблазни его. У тебя есть что предложить мужчине! Вот и воспользуйся этим! Я тоже не хочу терять Итана, его сила растет, и скоро станет неподвластна мне. Поэтому ему это испытание и разрыв со всем человеческим нужно пройти как можно раньше. И тебе лучше держать его покрепче! Придумай что-нибудь, забеременей, что ли.

— Ты что, не слышал меня? — взвилась Лили. — Я же сказала, Итан не любит меня! Он вообще оттолкнул, ударил...

— Тупая потаскуха! Причем тут любовь?! Наследник чистой демоничекой крови, большого потенциала — вот что поможет его удержать с нами! Когда Итан будет сомневаться, это поможет ему определиться с выбором. А потом... когда он откажется от души, а у тебя будет от Итана ребенок, все станет намного проще. Итаном легче будет управлять; потерянная навсегда душа выскребет из него все остатки чувств, и он будет поступать так, как надо, а не так, как ему взбредет на ум.

— Так, как ты, — глухо произнесла Лили. — Он будет похож на тебя.

— Это что, плохо? — ухмыльнулся Дамиан.

— Ты мертвый, — ответила Лили.

— Я живее всех живых, — парировал Дамиан. — Когда освобождаешься от ненужных желаний, тогда и наступает настоящая жизнь.

— Ты тоже отказывался от души? — спросила Лили, внимательно глянув на Дамиана.

— А как, по-твоему, я занял бы такой высокий пост? — насмешливо фыркнул тот. — Отказывался. Неоднократно.

— Не один раз?! Такое возможно?

— Ну, разумеется, — Дамиан тихо рассмеялся. — Люди так и норовят пожалуй, одарить, согреть, спасти... Только после третьего раза тебе это больше не нужно, и чужую душу отряхиваешь с себя как пылинку с рукава.

В подтверждение своих слов Дамиан щелчком сшиб со своего плеча невесть откуда взявшуюся пушинку, и они с Лили молча проследили, как она, кружась, парит в воздухе, подхваченная сквозняком.

— Иди, — холодно велел Дамиан. — Надеюсь, в тебе намного больше благоразумия, чем кажется на первый взгляд, и ты pomoжешь Итану пройти это испытание с минимальными потерями.

Глава 8. Детали контракта

Еву притащили — нет, нет, не в Ад, — в богатые апартаменты. Даже свисая с плеча охранника в нелепой и стыдной позе, она почувствовала приступ головокружения от великолепия обстановки.

«Пентхаус», — только и смогла подумать она.

Кричаще дорогое убранство... И много-много света. Итан словно хотел осветить каждый уголок своего жилища, чтобы не оставалось ни единого темного местечка.

«Чтоб это место не было похоже на его темную душу!»

Но долго думать на эту тему Еве не позволили.

Охранник затащил ее в комнату с зеркальными стенами, свалил, как куль с тряпками, на низкую софу, обитую нежным лиловым велюром, и удалился, пока она, тяжело дыша, приводила в порядок одежду под издевательским взглядом Итана.

— Это лишнее, — произнес он гадким голосом, когда она вернула на место задранную юбку и прикрыла бедра, на которые Итан до того любовался безо всяких препятствий. — Я, напротив, хотел бы рассмотреть как следует товар. То, с чем мне придется явиться на глаза многим уважаемым людям.

— Товар?! — вспыхнула Ева, подскочив на ноги. — Перед уважаемыми людьми?! Скажи лучше, перед чертями на

шабаш!

— Можно и так сказать, — покладисто согласился Итан. — Но дела это не меняет. Я хочу видеть тебя. К тому же, мне надо прикинуть, что на тебе будет хорошо смотреться. Ну, давай. Раздевайся.

— Что?! — гневно выкрикнула Ева, краснея. — Да ты с ума сошел?! Я же сказала — никаких личных контактов...

Итан одним быстрым, неуловимым движением оказался рядом, и испуганно отпрянувшая Ева стукнулась затылком о зеркало. На своих запястьях она ощутила жар его ладоней, его сильное тело прижалось к ее телу. Этот порыв можно было бы принять за страсть и нетерпение, если бы не взгляд мужчины.

Его темные, как самая непроглядная ночь, глаза смотрели прямо в перепуганные глаза Евы, и были они холодны и равнодушны.

— А никаких личных контактов и не будет, глупая курица, — зло прошептал он, распластывая ее по блестящей зеркальной поверхности и прижимаясь так яростно и страстно, что его слова и его действия отказывались увязываться в одну логическую цепочку. — Я же сказал — ты не интересуешь меня. Нет! Ни при каких обстоятельствах! И мне лучше не касаться тебя совсем, если я хочу сохранить твою душу в сохранности до мероприятия. Но я не хочу явиться туда с... деревенской неумытой девкой. Помимо тонких ценителей душ, там будут еще и эстеты, которым обертка так же

важна, как и внутреннее наполнение. Так что будь добра, ведй себя благоразумно.

Его взгляд обжигал холодом, а тело вело себя так, словно сгорает в огне страсти. Ева вдруг ощутила невероятную негу, почти блаженство, когда заметила, что Итан томно и очень неспешно потирается об нее, словно ласкаясь. Запугивает ее грозным голосом, а сам льнет, едва не поскуливая от удовольствия, и разорвать это шелковое, тончайшее касание у него сил нет.

— Я разденусь не прежде, — выдохнула Ева, собирая в кулак остатки воли и стараясь не поддаться на странную, влекущую магию Итана, — чем мы подпишем контракт, чертов инкуб!

Итан дрогнул. Его черные глаза сузились, превратились в две щелки, сильное тело напряглось словно перед прыжком... словно он сейчас накинется и растерзает...

— Я не инкуб, — отчётливо произнёс он. — И никогда им не был. Что за странные фантазии. Не нужно выдавать свои ожидания и желания за действительность. Никто не собирается тебя соблазнять.

— Тебя трясет и колотит, как восьмиклассника на первом свидании, — огрызнулась Ева. — И ты так прижимаешься, что кое-что просто невозможно не почувствовать.

— Это телефон в кармане, — соврал Итан, все еще не отпуская Еву и прижимаясь к ней еще крепче, так жарко и страстно, что «телефон» стало просто невозможно скрыть и

игнорировать.

— Такой огромный?!

— Я люблю большие модели, — хрипнул он внезапно севшим голосом, склоняясь над Евой, ловя губами ее дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.